

Глава 13. Тринадцать Учих

Воспользовавшись тем, что Учиха Мадара отошёл собрать вещи, Аотянь низким, тяжёлым голосом обратился к Су Цзи:

— И зачем ты ляпнула ту последнюю фразу? Она была явно лишней.

Похоже, резкий тон Аотяня задел Су Цзи. Она тут же ощетижилась и ответила в той же недоброй манере:

— А почему мне нельзя было это говорить?

Су Цзи пренебрежительно усмехнулась и продолжила с вызовом:

— И у тебя ещё хватает совести меня спрашивать? Я сказала чистую правду. Ты что, собираешься причинить ему вред? Нет, это невозможно. И мне уж тем более.

— Раз всё равно невозможно, почему бы не прояснить это сразу? Если не сказать сейчас, когда-нибудь правда всё равно всплывёт. Или ты хочешь, чтобы он верил Сенджу Хашираме?

Аотянь на мгновение запнулся под напором её вопросов.

— Я этого не говорил. Какие бы розовые очки ни носил Император Хаши, Сенджу всегда будут врагами Учих. Такую судьбу, предписанную самой историей, не изменить по щелчку пальцев. Но как ни крути, вываливать всё вот так, в лоб — верх безрассудства. Ты...

Су Цзи, едва не подпрыгивая от возмущения, бесцеремонно его перебила:

— Мы не сможем вечно торчать в этом мире! Рано или поздно ему придётся всё узнать. Так почему бы не просветить его пораньше?

— А кто в самом начале твердил, что информацию нужно выдавать дозированно? — Аотянь перешёл на жёсткий тон. Он пытался подавить ярость, но чем сильнее сдерживался, тем яростнее рвалось наружу пламя.

Су Цзи была права в одном: они никогда не причинят вреда Мадаре. Но такая прямолинейность со стороны казалась попыткой выудить из него благодарность. В этом они кардинально различались. Она, выкладывая всё начистоту, просто хотела доказать Мадаре свою преданность — и ничего более.

Но Аотянь был другим. Всё, что он делал или собирался сделать для Мадары, было его личным

выбором, его добровольной ношей, о которой объекту его заботы знать вовсе не обязательно.

Су Цзи промолчала. Она не считала себя виноватой. Да, она обещала быть осторожной, но это не значило, что нельзя приоткрыть карты чуть раньше срока.

В комнате повисла гнетущая тишина.

Наконец Аотянь заговорил первым. Осознав, что перегнул палку, он смягчил тон и выражение лица.

— Тебе не кажется, что ты слишком заигралась в свою роль? Если так пойдёт и дальше, ты сама перестанешь понимать, где настоящая ты.

От этих слов Су Цзи вздрогнула. Кто же она на самом деле?

Та, что прикидывалась дурочкой и кривлялась? Или та, рассудительная и холодная, которой она становилась в моменты затишья? А может, это существо в тяжеловесном платье, с густым слоем косметики на лице — и есть её истинная суть?

Она коснулась лица, медленно провела пальцами вниз, к горлу. Кадык был почти незаметен, а благодаря искусно подобранному воротнику никто не подозревал о подвохе.

А голос? Как давно она не говорила своим настоящим голосом?

Су Цзи вдруг самоиронично рассмеялась:

— Ты ведь прекрасно знаешь, почему мы появились на свет. Я и сама не знаю, кто из них — я. Но...

Она замолчала и прижала ладонь к груди.

— Я наслаждаюсь каждой секундой. Видеть их лица, когда они смотрят на меня... замечать потрясение в их глазах — вот истинное удовольствие. Это наполняет меня восторгом.

— Именно этого я и хочу, — закончила Су Цзи, снова взглянув на Аотяня с полным безразличием к его мнению.

Аотянь поджал губы и отвернулся, не желая больше на неё смотреть.

— Сумасшедший фрик с извращённым чувством юмора, — бросил он напоследок. — Не забывай, что технически я всё ещё твой брат.

— Сочту за комплимент, братец, — язвительно парировала Су Цзи и тоже отвернулась. В душе она так и сыпала проклятиями: «Тоже мне, нашёлся тут... возомнил себя настоящим Луном Аотянем только из-за имени».

Аотянь уловил сарказм в её голосе, но решил больше не ввязываться в спор.

Мадара в своей комнате собирал вещи, размышляя над словами Су Цзи.

За то время, что они провели вместе, он уже начал им доверять. И те «трудности», о которых упоминал Аотянь, он тоже чувствовал. Этот мир был для них чужим, так что их настороженность вполне объяснима. Разве сам он не скрывал от них правду?

Поэтому, когда Аотянь и Су Цзи проявили такую искренность, он, помимо удивления, ощутил укол вины.

«Что это?» Услышав приглушённые голоса спорящих Аотяня и Су Цзи, Мадара невольно нахмурился. Он не понимал, из-за чего эти двое, обычно ладившие друг с другом, вдруг затеяли ссору.

Размышления не мешали его движениям: он привычно пересчитал кунаи и шурикены в сумке с инструментами ниндзя и добавил ещё несколько про запас.

Когда он вернулся к спутникам, те сидели, отвернувшись друг от друга, как обиженные дети.

Вспомнив звуки перепалки, Мадара примерно догадался, в чём дело, но истинная причина конфликта осталась для него загадкой.

Путь начался в тягостном молчании. Аотянь и Су Цзи упорно игнорировали друг друга. Мадара, привыкший к вечной болтовне Су Цзи и редким, но метким комментариям Аотяня, чувствовал себя не в своей тарелке в этой тишине.

Поскольку спутники не демонстрировали никаких особых способностей, он выбрал самый обычный, неспешный темп передвижения.

Без техники телесного мерцания путь обещал быть долгим. От осознания этого хорошее настроение Мадары, вызванное началом миссии, мгновенно испарилось.

Аотянь всю дорогу места себе не находил от беспокойства, а Су Цзи, похоже, всерьёз решила объявить ему бойкот. Обычно это он блокировал её за навязчивость, но теперь роли поменялись.

Он посмотрел на надувшуюся Су Цзи, затем на задумчивого Мадару и окончательно пал духом.

Лето ещё не вошло в полную силу, но солнце палило нещадно. Вскоре все трое изрядно вспотели. К счастью, в эту эпоху лесов было в избытке, хотя молодые деревца с неокрепшей листвой плохо защищали от зноя.

Наконец Мадара подал сигнал к остановке. После целого утра в пути силы были на исходе, а желудки предательски урчали.

То ли долгая прогулка охладила пыл Су Цзи, то ли слова Аотяня о защите интересов Мадары всё же возымели действие, но стоило им присесть в тени, как она тут же извлекла три коробочки с горячим бенто.

— Лорд Мадара, прошу, поешьте.

Видя, что Су Цзи ведёт себя как ни в чём не бывало, Мадара с облегчением выдохнул. Забирая свою порцию, он бросил выразительный взгляд на Аотяня, который замер рядом неподвижным столбом.

Не успел он вставить и слова, как Су Цзи опередила его:

— Великий господин Аотянь, вы так и будете там торчать? Есть-то собираетесь?

— Кто сказал, что не собираюсь? — буркнул он, подошёл и без лишних церемоний принялся за еду.

Проглотив огромный кусок, Аотянь вытащил откуда-то — кажется, из самого подпространства — пачку салфеток и бросил их перед собой. Он искоса глянул на Су Цзи.

— Ну что, пар выпустила?

— Я и не думала злиться, ясно? — огрызнулась Су Цзи. — Если тебе позволено меня троллить и высмеивать, то почему мне нельзя отвечать тем же?

— Не забывай, я вообще-то выпускница «Академии художеств» по классу драмы, — добавила она, поправляя новую причёску.

Аотянь проигнорировал её выпад и обратился к своему кумиру:

— Мадара, не бери в голову. У неё настроение как ураган — налетает внезапно и так же быстро стихает. К тому же она актриса до мозга костей, в ней нет ни грамма настоящего.

— Это из-за того, что Лорд Мадара твой кумир, ты меня так опускаешь? С чего это во мне нет ничего настоящего?! — тут же завозмущалась Су Цзи.

Её любимчиком, конечно, был Учиха Саске, но и к Мадаре, как к предыдущему воплощению чаккры Индры, она питала глубокую симпатию. Слушать такие гадости в свой адрес прямо при «лорде» было выше её сил.

Аотянь совершенно спокойно окинул её взглядом с ног до головы и медленно произнёс:

— Ну и что в тебе, по-твоему, настоящее?

Мадара предпочёл не вмешиваться. Он всё равно мало что понимал в их странных терминах, и того, что они помирились, ему было достаточно.

— По крайней мере, я как личность и те слова, что я сказала — настоящие.

Тон Су Цзи был настолько решительным, что Мадара, собиравшийся молча есть, замер и посмотрел на неё.

— Насчёт слов не спорю, — согласился Аотянь. — Но что касается тебя самого... — Он осёкся, решив, что сейчас не время для разоблачений. — Когда наиграешься, тогда и возвращайся в нормальный вид.

Мадара растерянно переводил взгляд с одного на другую, не понимая смысла этих загадок. Аотянь, впрочем, и не собирался долго его мучить: он снова сел и обратился к Учихе:

— Мадара, это её личное дело, я не вправе рассказывать. Когда ей надоест притворяться, она сама тебе признается.

— Лорд Мадара, не переживайте, придёт день, и вы всё узнаете, — вовремя поддакнула Су Цзи.

Мадара коротко кивнул и вернулся к еде, но в глубине души его уже грызло любопытство. Они постоянно твердили, что «наступит день», когда карты будут раскрыты, но когда именно наступит этот день — никто не уточнял.

Тем временем Учиха Таджима страдал от сильнейшей головной боли. Его младший сын, Изуна, уже сбился со счёта, в какой раз он приходит выведывать, куда подевался старший брат.

Глядя в упрямые глаза Изуны, Таджима мысленно вздохнул и снова выдал одну из тех

заезженных отговорок, что использовал уже сотню раз.

Если бы младший спросил ещё хоть раз, отец, пожалуй, не выдержал бы и выложил всё как есть.

Но Изуна, выслушав очередную порцию официозной лжи, лишь угрюмо промолчал, выдавил короткое «Я понял» и резко развернулся, чтобы уйти.

Сердце отца болезненно сжалось. Глядя в спину уходящему сыну, Таджима порывался окликнуть его и рассказать правду.

У него осталось всего двое сыновей. Кого ему ещё баловать, если не их? Но младший не давал ему ни малейшего шанса на откровенность, и Таджиме начинало казаться, что он слишком суров со своими детьми.

«А вдруг Изуна решит, что я специально скрываю от него вести о брате, и совсем отдалится?» От этой мысли папаше Таджиме стало совсем горько.

«Мадара, возвращайся скорее! Твой старик больше так не вывезет!»

<http://bllate.org/book/17394/1657704>